

О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты¹

В центре статьи — вопрос о реальных социальных группах в современном российском обществе. Авторами сопоставлены модели социальной структуры, полученные двумя альтернативными методами на базе всероссийских представительных опросов экономически активного населения. Одна модель близка европейской социологической традиции и основана на социально-профессиональной классификации индивидов. Другая — получена с помощью ранжирования стратификационных критериев методом энтропийного анализа с последующим образованием условных кластеров групп.

1. Теоретические предпосылки исследования

На новом этапе развития России мы возвращаемся к вопросу, который активно обсуждался в 1960-е — начале 1970-х. Тогда социологи в противовес официальной доктрине об эгалитарном строении советского общества активно выдвигали концепции социального неравенства, доказывали невозможность сведения его социальной структуры к примитивной формуле «два класса + интеллигенция» и в связи с этим занимались поиском реальных социальных групп. Именно в этом контексте Л. А. Гордон совместно с коллегами выявил социально-демографические группы, применив кластерный анализ. Он писал, что «природа объектов социальной классификации сводит проблему выделения элементов, составных частей социальной структуры (по крайней мере, при нынешнем уровне развития теории) к поиску естественного, реального набора относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками, на которые распадаются люди (носители этих характеристик) в реальной действительности» [Гордон, Терехин и др. (1971)].

Примерно в те же годы получили значимые результаты по обнаружению реальных компонентов социальной структуры Н. Г. Загоруйко и Т. И. Заславская с соавторами, и один из авторов данной статьи совместно с И. Н. Тагановым [Загоруйко, Заславская (1968)], [Таганов, Шкаратан (1969)].

Теперь, когда совершенно очевидно, что трансформационные процессы идут совсем не по ожидавшемуся пути складывания буржуазного общества западного типа, а каким-то особым образом, снова возник вопрос о реальности тех социальных групп (слоев, классов), которыми оперируют социологи и политологи, опираясь на свои теоретические конструкты и на реалии развитых демократических стран с устоявшейся системой стратификационной

¹ Исследование проведено при поддержке Инновационной образовательной программы Государственного университета — Высшей школы экономики, грант № 06-05-0007 «Социально-экономическое неравенство в современной России».

иерархии. В связи с этим и возникла идея вернуться к исследованиям социальной дифференциации современного российского общества для выявления в нем реальных социальных совокупностей.

Как известно, Р. Мертон [Мертон (1992)] определяет «группу» как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к ней и считаются членами этой группы с точки зрения окружающих. Но такие характеристики свойственны первичным и лишь в определенной мере вторичным группам. Однако в нашем случае речь идет о других социальных группах, которые вернее было бы называть социальными общностями. Это социальные классы и слои, которые являются единицами макросоциальной структуры всего общества, а также мезосоциальной структуры территориальных общностей (города, агломерации и т. д.).

Большие социальные группы (общности) состоят из индивидов со сходным социальным статусом. Это, можно сказать, размытые топологические множества, нечто вроде лесов, не имеющих четких границ, переходящих один в другой через еле заметные перелески. Например, квалифицированные и неквалифицированные работники, горожане и селяне, собственники и наемные работники. Ведь только в итоговых статистических таблицах эти членения выглядят как четкие группировки с жесткими границами.

Относительно признакового пространства выделения групп (общностей) в литературе доминируют два подхода. Один из них получил преимущественное развитие в американской социологической традиции. Сторонники его дифференцируют членов общества по уровню доходов, престижу, власти, рассматривая их количественные показатели как самодостаточные, и отвлекаясь от рассмотрения их источников. В этом случае каждый индивид, занимающий ту или иную статусную позицию, выступает как автономная единица: это его личный доход, его личный престиж и т. д.

Другая традиция, второй подход из доминирующих в европейской социологии, которого и придерживаются авторы статьи, рассматривает социальную группу через призму отношений с другими группами в контексте институциональной структуры общества. Так, в рамках этого подхода власть как индикатор статуса означает не межиндивидуальные отношения властвования кого-то над кем-то, а отношения слоя, имеющего власть, и слоя, лишенного власти. Точно таким же образом рассматриваются отношения собственности и престижа, т. е. они анализируются не в абсолютных, а в относительных категориях.

Социальные общности (группы) можно разделить на номинальные (они же статистические) и реальные. Исследователи и аналитики чаще имеют дело с номинальными группами, т. е. совокупностями людей, выделяемых по некоторым признакам, имеющим смысл для целей конкретного исследования (например, группы по полу, возрасту, уровню дохода или комбинации нескольких таких, поддающихся измерению, характеристик). Не случайно номинальные группы именуется также и статистическими, чем подчеркивается, что они не предполагают обязательных и, тем более, непосредственных связей между относимыми к ним людьми, а также не раскрывают сущностную сторону отношений, связывающих, сплачивающих их. Например, при выделении горожан в номинальную (статистическую) группу к ним относят людей, живущих в поселениях, формально зарегистрированных как города.

Реальные же группы (общности), в противоположность статистическим (номинальным), выделенным по какому-то отдельно взятому признаку, это социальная целостность, харак-

теризуемая общностью условий существования, причинно взаимосвязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, а также общими социальными нормами и ценностями, стилем жизни. В их состав входят индивиды со сходными параметрами властных полномочий, владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов; они обладают сходными потребностями и интересами, общими социальными нормами и ценностями; взаимной идентификацией и механизмами самоорганизации; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Поэтому к реальным группам вполне применимо также наименование «гомогенные группы».

Реальные группы (классы, слои) выступают субъектами и объектами **реальных отношений** (власти, эксплуатации и т. д.). Для них характерны гомогенность по основным статусным характеристикам, способность к самовоспроизводству, которая обеспечивает репродуцируемость ядра группы, и отличная от других групп система социальных связей.

Реальные группы (общности) выступают основными компонентами стратификационной системы общества, т. е. занимают социальную позицию в зависимости от функциональной роли, исполняемой в обществе. Эта роль предопределяет высоко ценимые ресурсы/блага, которыми располагает (контролирует, присваивает) данная группа в отличие от других (власть, собственность, человеческий, культурный, социальный, символический капиталы).

Нашему подходу к категории «реальная группа» близка позиция известного социолога из США Питера Бло (Peter Blau). По его мнению, группа — это «класс», члены которого коллективно взаимодействуют больше друг с другом, чем с людьми извне. Они не обязательно находятся в прямом контакте, как члены первичных групп. Многочисленные исследования подтверждают, что, скажем, ролевые отношения между руководителями и подчиненными отличаются от отношений между последними, а различия в социально-экономическом статусе препятствуют дружеским отношениям и складыванию брачных связей. Дружеские отношения преобладают между членами одной и той же группы (этнической, класса, слоя) [Blau (1974)].

Реальная группа имеет свою внутреннюю структуру: «ядро» (а в некоторых случаях — «ядра») и периферию с постепенным ослаблением по мере удаления от ядра сущностных свойств, по которым атрибутируется данная группа, т. е. отделяется от других групп, выделяемых по тому же критерию. Зоны трансгрессии постепенно переходят в зоны притяжения других «ядер». «Ядро группы» — это совокупность типических индивидов, наиболее полно сочетающих присущие данной группе характер деятельности, структуру потребностей, ценности, нормы, установки и мотивации. Поэтому ядро является концентрированным выразителем всех социальных свойств группы (общности), определяющих ее качественное отличие от всех иных.

Социальная группа не совпадает с суммой индивидов, обладающих сходными функциями и свойствами. В теоретическом плане необходимо различать характеристики социальной группы и индивидов, входящих в ее состав. Как научная абстракция и реальность социальная группа является носителем системных качеств, не сводимых к характеристикам индивидов, входящих в ее состав. Характеристики группы — это те ее свойства, по которым можно судить о ее целостности, как социальной общности. Например, мы выделяем группы, различающиеся в обладании властью, т. е. принимаем ее за сущностное свойство изучаемых общностей. В этом случае сущностным свойством представителя группы будет являться не обла-

дание властью как таковой, а наличие развитой обществом способности выполнять властные функции. А с этой способностью системно взаимоувязаны и личные потребности, и характер индивидуальной внепроизводственной деятельности, и стиль жизни.

Системное качество групп проявляется в непересекаемости их ядер. На эмпирическом уровне это обнаруживается в формах и интенсивности действий людей, актах реального поведения, типичных для представителей данной и только данной группы. Системные качества группы требуют длительного времени для приобретения свойств, присущих индивидам, входящим в ядро общности. Эта длительность не может быть определена априори, ее можно установить лишь в результате исследования.

В связи с этим следует заметить, что в советском этатрагическом обществе, предшествующем современному российскому, свойствами самоидентификации и самоорганизации могла обладать, по-видимому, лишь правящая элита. Поэтому, скорее всего, только номенклатура была целостной реальной группой. Более того, с точки зрения системной организации общества, номенклатура была единственным дееспособным элементом социальной структуры. Поэтому она смогла отразить свои интересы в условиях постсоветской трансформации России.

Другие социальные субъекты, формирующиеся в новые реальные социальные слои (классы) постсоветского общества предположительно находятся лишь в стадии своего становления. В связи с этим у нас есть все основания предполагать, что на уровне эмпирических исследований мы обнаружим размытость, нечеткость формирующихся реальных групп.

Порядочную сумятицу в проблему изучения реальных социальных групп внесли получившие широкую известность труды Пьера Бурдьё, который, в противовес подавляющему большинству исследователей, не признавал возникающие в социальном пространстве группы «реальными классами», рассматривая их лишь как «возможные классы». При этом он подчеркивал: «Класс существует в той и лишь в той мере, в какой уполномоченное лицо, наделенное *plena potentia agendi* (властными полномочиями, — пер. авторов), может быть и ощущать себя облеченным властью, говорить от своего имени — в соответствии с уравнением: «Партия — есть рабочий класс», а «Рабочий класс — есть партия...» [Бурдьё (1993)]. Другими словами, по Бурдьё, группа определяется через того, кто говорит от ее имени.

Эта позиция видного французского социолога была доведена до крайности его последователями Ю. Качановым и Н. Шматко. Заключая свою статью, они пишут: «Социальные группы не существуют, реальны лишь социальные отношения» [Качанов, Шматко (1996)]. Заметим, что при тщательном прочтении этой же статьи можно найти и высказывания, повторяющие суждения П. Бурдьё, из коих следует, что все же группа при необходимых и достаточных условиях может существовать «в деятельном состоянии группы-для-себя, готовой к борьбе за сохранение и/или развитие своей социальной позиции» [Качанов, Шматко (1996)].

В работах многих видных сторонников постмодернизма обосновывалась идея, что в современном обществе люди освобождаются от социальных форм индустриализма, в частности, от деления на социальные классы и слои [Бауман (2002)], [Бек (2000)], [Pakulski, Waters (1996)].

В 2000–2005 годы на страницах ведущих западных журналов прошли дискуссии по проблемам социального неравенства и социальных классов. В них приняли участие такие авто-

ритетные представители различных научных направлений, как Д. Голдторп, Э. Соренсен, Э. О. Райт, Д. Грусски, Д. Скотт. Сопоставлялись традиционные модели классов (как в неомарксистской, так и в неовеберинской интерпретации) и предложенная современными американскими авторами (Д. Грусски и другими) модель социальных классов как род занятий (occupations), выступающих фундаментальными единицами эксплуатации [Sorensen (2000)], [Wright (2000)], [Goldthorpe (2000), (2002)], [Rueschemeyer, Mahoney (2000)], [Grusky, Weeden (2001), (2002)], [Scott (2002)].

Итогом дискуссии стала общая позиция признания социальных классов как материальной реальности, в виду имелись распределения дохода и собственности и связанные с этим жизненные шансы. В этой связи участники обсуждений акцентировали внимание на изучении реальных социальных неравенств на основе выявления реальных групп как обладателей определенных ресурсов: экономических — владение землей, предприятиями, рабочей силой; политических (власть в обществе, на рабочем месте и т. д.); социальных (доступ к высокостатусным социальным сетям, связям, ассоциациям и клубам); престижных («хорошая репутация»; слава; уважение и унижение); человеческого капитала; культурного капитала [Grusky, Weeden (2001)]. Проблема состоит в нахождении наиболее адекватных индикаторов реальных групп.

Мнение, преобладающее в среде европейских социологов, сводится к идее, что разделение на классы — это не произвольное агрегирование профессий или индивидов. Оно имеет прочный концептуальный фундамент. Наиболее распространен подход, который с наибольшей прозрачностью и последовательностью выражен Д. Голдторпом. Он исходит из идеи, что классовые позиции, в первую очередь, определяются статусом занятости. При этом выделяются три основные классовые позиции: работников, нанимателей и самозанятых. Затем проводится разделение работников по характеру занятости, по типу заключенных ими контрактов. Выделенные таким образом классы различаются по специфическим для каждого из них ограничениям и возможностям, в число которых входят те, которые оказывают влияние на индивидуальную экономическую безопасность, стабильность и перспективы.

Проблематичность нашей исследовательской ситуации не в том, чтобы определить свою позицию в теоретическом диспуте между Грусским (модель институционализованного рода занятий как класса), Голдторпом (модель, в которой классовые позиции определяются статусом занятости) и Райтом (модель доминирования), т. е. между представителями концептуально различающихся трех основных школ — направлений, на которые разделены сторонники классового подхода к социальной структуре. Нам необходимо, опираясь на результаты, полученные ведущими западными учеными при изучении своих обществ, решить проблему конструирования модели социального неравенства в обществе совсем другого типа. Это и должно послужить нашим вкладом в «поле» этих дискуссий.

Исходной посылкой исследования является тезис, что в России сохранился в преобразованном виде этакратизм с присущими ему слитными отношениями «власть-собственность», которые получили частнособственническую оболочку, но, по существу, остались неизменными. Что касается специфических черт социальной стратификации в России, то здесь нами проверялась гипотеза, согласно которой в стране сложился своеобразный тип социальной стратификации, представляющий собой переплетение по-прежнему доминирующей словесной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой

дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда.

Отсюда и различие исследовательских задач, решаемых нами и западными коллегами. Мы изучаем социальное неравенство и крупные социальные группы в этакратическом обществе, где эти взаимодействующие группы классоподобны, но не являются классами в собственном смысле слова. Их скорее можно определить как сословно-слоевые образования в силу детерминирующих их формирование и воспроизводство факторов. Поэтому необходимо при формировании системы индикаторов для выделения реальных (гомогенных) социальных групп, принимая во внимание применяемые западными социологами критерии, учитывать специфику всей системы социально-экономических отношений, включая особенности отечественного рынка труда и занятости.

Таким образом, мы стремимся изучить латентные факторы функционирования реальных (гомогенных) социальных слоев в условиях трансформирующегося общества, т. е. когда меняется «список» и параметры этих социальных слоев/групп.

2. Методы и подходы, использованные в ходе выполнения исследования

Суть исследования — в переходе от преобладающего в литературе анализа данных о номинальных (статистических) социальных группах/слоях, выделенных по формальным признакам, к анализу реальных социальных групп/слоев. Проблема состоит в выделении элементов социальной структуры на основе выявления естественного, реального «набора» относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками.

Факт существования реальных (гомогенных) социальных групп в современном российском обществе требовалось проверить на надежном эмпирическом материале. Выбор такого источника информации предполагает принятие определенной позиции относительно критериев социальной дифференциации. Американские и многие российские исследователи, изучающие стратификацию, нередко придают решающее значение активности социального субъекта — индивида, который преследует собственные цели, используя все имеющиеся в наличии ресурсы. При этом зачастую основными ресурсами для достижения и поддержания статуса признаются личностные, социально-психологические качества индивида. Мы же придерживаемся более традиционной позиции, согласно которой индивиды рассматриваются как элементы социальной системы (структуры), и их действия в решающей степени детерминированы их местом в системе социоэкономических отношений. Индивидуальное действие выступает как результат социальных переменных, а не личностных качеств.

В январе 1994-го, ноябре — декабре 2002-го и декабре 2006 года под руководством одного из авторов прошли мониторинговые представительные общероссийские опросы экономически активного населения с целью получения данных о характере социальной стратификации и воспроизводства социального статуса в современном российском обществе. Опросы проводились по квотной выборке, скорректированной на основе материалов Росстата. Выборка была сконструирована по данным о половозрастных характеристиках, образовании и распределении населения по типам поселений. Было отобрано 24 административно-территориальных единицы (область, край, республика) в 11 территориально-

экономических районах страны и отдельно два мегаполиса: Москва и Санкт-Петербург. Общий объем выборки во всех трех опросах составлял порядка 2500 респондентов. Подробная методика проведения опросов изложена авторами [Шкаратан, Ястребов (2007)].

Социально-профессиональная классификация. За единицу измерения при одной совокупности применяемых методов мы принимали вид занятий (occupations). Каждая группа сходных по социальным характеристикам видов занятий объединялась нами на основе экспертных оценок по системе обоснованных критериев в рода занятий и рассматривалась как формально-статистическая «рамка» реальной социальной группы. Для кодирования занятий респондентов были составлены две шкалы. Первая и основная, РГ-100, объединяет все встреченные виды занятий в 100 групп с учетом близости занятий по содержанию и условиям труда. Шкала РГ-100 является исходной для последующих агрегаций с учетом других переменных, служащих компонентами интегральной шкалы сегментированного рынка труда. Кроме того, для изучения динамики социально-профессиональной структуры и решения ряда задач экономической и социальной политики нами была разработана (на основе объединения занятий по сходству их социально-экономических характеристик) следующая типология социально-профессиональных слоев в современной России.

1. Предприниматели, коммерсанты.
2. Управляющие и чиновники высшего звена.
3. Управляющие и чиновники среднего звена.
4. Руководители низового звена.
5. Высококвалифицированные профессионалы.
6. Профессионалы с высшим образованием.
7. Работники со средним специальным образованием.
8. Работники нефизического труда (в торговле, обслуживании).
9. Высококвалифицированные рабочие.
10. Квалифицированные рабочие.
11. Не- и полуквалифицированные рабочие.
12. Работники квалифицированного труда в сельском хозяйстве.
13. Работники малоквалифицированного труда в с/х.
14. Самозанятые.

В европейской неовеберийской (доминирующей) традиции именно так общепринято конструировать социальные классы. После известной классификации ISCO 88 (International Standard Classification of Occupations, 1988) все последующие дискуссии шли в направлении ее уточнения (Societes Contemporaines, 2002). В мировой практике эмпирических социологических исследований используется весьма ограниченный набор индикаторов социального положения людей, их принадлежности к определенной социальной группе (классу, слою и т. д.). И среди этих социальных индикаторов особое место занимает вид/род занятий. Последний выступает как синдром свойств, характеристик социальных субъектов. В названиях занятий «зашифровано» множество характеристик конкретных видов экономической активности, заключена совокупность качеств, навыков и умений, знаний, которыми должен обладать индивид как актер данного вида деятельности. Это высоко информативный показатель. Объединение определенных «профессий» в социальные классы при европейском подходе

основано на том, что последние сложились в соответствующих странах как социальный институт и воспринимаются как реальные социальные группы [Кивинен (1994)].

В то же время есть, по крайней мере, два существенных системных ограничения. Первое связано с тем, что зачастую конкретные виды экономической активности обладают меньшей исторической стабильностью, чем социальные классы, слои, к которым они принадлежат. Социальные классы в своем воспроизводстве меняют круг «присваиваемых» ими видов занятий, сохраняя характер рода занятий.

Второе ограничение связано именно с Россией, ее специфической историей. Речь идет о связи видов и родов занятий с институциональной системой общества и социально закреплённой общностью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. В России мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т. е. содержанием и условиями) труда, а не качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. Отсюда вытекает «рыхлость» ее структуры с неустойчивыми занятиями и престижностью.

Тем не менее, при только что высказанных оговорках мы попытаемся, опираясь на данные о социально-профессиональной дифференциации нашего общества (предположив псевдореальность выделенных нами групп), осмыслить динамику стратификационной иерархии в постсоветской России.

В нашей практике мы производили отнесение того или иного вида занятий к тому или иному социальному классу/слою на основе экспертных оценок с учетом таких характеристик, как

- 1) соотношение исполнительских и организаторских функций;
- 2) степень многообразия функций, нестереотипности творчества, эвристичности;
- 3) степень самоорганизации в труде;
- 4) экономическая оценка сложности труда на рабочем месте (строится на основании показателя «уровень образования»);
- 5) социально-экономическая оценка измеряемой рабочей позиции (строится на основании показателя дохода).

Энтропийный анализ. При другой совокупности методов за базовую единицу классификации нами принимался индивид, размещенный в системном признаковом пространстве. В существующей научной практике отбор системообразующих признаков и классификация индивидов на соответствующей основе для атрибуции их принадлежности к разным социальным группам обычно производится на основе априори заданной теоретической схемы. Достаточно сказать, что таких критериев было разработано довольно большое число, однако вопрос об их реальной значимости до сих пор является открытым. Осуществление нашего проекта обязывало идти на поиск новых, по отношению к области исследования стратификационных иерархий, технологий для анализа процессов формирования, функционирования и воспроизводства реальных социальных слоев в трансформирующемся обществе. Успешное нахождение и использование таких технологий означало бы не только концептуальный, но и методологический прорыв в теории социальной стратификации.

Если перед исследователем стоит задача проверить применяемые теоретические схемы и попытаться выявить группообразующие критерии из всего пространства признаков, ха-

рактически исследуемую совокупность, то в математическом смысле она может быть разрешена с помощью метода энтропийного анализа. Впервые в отечественной научной практике для анализа социологических данных этот математический аппарат был настроен и применен И. Н. Тагановым в 1969 году. Суть данного метода в том, что при выделении в исследуемом макропространстве социальных признаков групп с наименьшим значением энтропии (степенью неопределенности заполнения этого пространства), в них наблюдаются наименьшие отклонения от средних значений рассматриваемых социальных свойств. Близость значения энтропии отдельного логического подпространства, т. е. ограниченной комбинации социальных признаков, к минимальному указывает на значимость данного подпространства среди множества всех социальных пространств в рассматриваемой совокупности респондентов. Понимая под социальным неравенством различие респондентов по всему составу рассматриваемых нами социальных свойств, в результате энтропийного анализа мы имеем возможность проранжировать все связки признаков по той степени, в которой они упорядочивают исследуемую совокупность. Тем самым появляется возможность непредвзятого решения проблемы выделения наиболее значимых факторов неоднородности социального макропространства, т. е. критериев социального неравенства в исследуемом обществе.

В частности, с помощью энтропийного анализа И. Н. Тагановым проверялась выдвинутая О. И. Шкаратаном гипотеза о корректности классификации промышленных рабочих Ленинграда на основе их распределения по ролям в общественной организации труда и выполняемым функциям [Таганов, Шкаратан (1969)], [Шкаратан (1970)]. В результате реализации указанного метода был получен набор критериев, в полной степени соответствующий теоретическим представлениям авторов.

В распоряжении исследователя, проводящего конкретное социологическое исследование, всегда имеется исходная информация о группе индивидов по какому-то набору признаков. Эта информация формально может быть представлена в виде статистики n -мерных логических векторов K_{ns} , где n выражает число признаков, а s — число логических градаций каждого из них. Каждый логический вектор содержит информацию об определенном индивиде из всей исследуемой совокупности. Возможные наборы признаков по всей рассматриваемой статистике являются заполненными логическими пространствами (или подпространствами социальных признаков). Так, например, в нашем распоряжении имеется информация об экономически активном населении России: сочетание, скажем, данных о распределении респондентов по родам занятий и об их же распределении по размеру заработной платы является одним из возможных двумерных логических пространств. Можно рассмотреть различные варианты логических пространств с размерностью от 1 до n . Общее число возможных пространств будет определяться соотношением:

$$N = \sum_{i=1}^n C_n^i, \quad (1)$$

где C_n^i — число сочетаний из n по i .

Решая задачу выделения реальных социальных групп, мы можем свести ее к нахождению из всего множества заполненных пространств именно того, в котором векторы статистики $\{K_{ns}\}$ лежат наиболее плотными однородными группами. Под такими группами в нашем случае понимается объединение индивидов, в котором наблюдаются наименьшие отклонения

от средних показателей по входящим в состав исследуемого макропространства социальных признаков, например, наименьшее отклонение в пределах группы от средних показателей заработной платы, дохода на члена семьи и т. д. В содержательном смысле это означает, что необходимо выделить те комбинации признаков (логические пространства социально обусловленных свойств), которые наиболее резко дифференцируют рассматриваемую общность.

При наличии заданной метрики в анализируемых комбинациях признаков задача обнаружения однородных социальных образований математически сводилась бы к определению экстремумов некоторой функции в соответствующих пространствах. Однако, как известно, специфика любых социологических данных накладывает на это свои ограничения, а из-за отсутствия надежных методов взвешивания шкал такой подход не всегда возможен. В этой связи концепция энтропии представляется наиболее адекватным методом решения подобного рода задач, поскольку она позволяет нам избежать неопределенности шкал и ранжирования признаков при их арифметизации, при которой всегда существует опасность «искусственного» искажения социальных характеристик. При этом энтропию следует понимать в теоретико-вероятностном смысле как меру статистической неопределенности.

Рассмотрим метод энтропийного анализа в авторской версии И. Н. Таганова [Шкаратан (1970)].

Заполненное n -мерное пространство при соблюдении некоторого условия нормировки можно рассматривать как n -мерную плотность вероятности. Допустим, под соответствующими вероятностями мы будем понимать

$$P_{ij\dots l} = \frac{n_{ij\dots l}}{m}, \quad (2)$$

где $n_{ij\dots l}$ — число элементов рассматриваемой статистики $\{K_{ns}\}$ с объемом m , попавших в ячейку $\{ij\dots l\}$. При таком определении вероятностей $P_{ij\dots l}$ условие нормировки выполняется автоматически.

Каждому заполненному пространству может соответствовать величина, однозначно характеризующая степень неопределенности заполнения его векторами статистики $\{K_{ns}\}$. Этой величиной является энтропия как мера степени неопределенности рассматриваемой n -мерной плотности вероятности:

$$H = -\sum_{ij\dots l} P_{ij\dots l} \log_2 P_{ij\dots l}. \quad (3)$$

Величина H достигает максимума при равновероятном однородном заполнении рассматриваемого пространства, т. е. при

$$P_{ij\dots l} = \frac{1}{r}, \quad (4)$$

где r — число ячеек заполнения рассматриваемого пространства. Величина энтропии H зависит, в общем, от числа ячеек заполнения рассматриваемого логического пространства, т. е. от числа возможных комбинаций логических градаций рассматриваемого набора социальных признаков. Для того чтобы иметь возможность сравнить степень заполнения пространств одной и той же размерности, но с различным числом ячеек заполнения, т. е.

пространств, соответствующих различным комбинациям социальных признаков, целесообразно ввести некоторую функцию энтропии, не зависящую от числа ячеек заполнения и определяемую только неоднородностью заполнения пространства элементами статистики $\{K_{ns}\}$.

Такая функция может быть получена различными способами. Одним из возможных является использование величины относительного отклонения энтропии от своего максимального значения. Максимальное значение энтропии для n -мерного логического пространства, т. е. для совокупности n признаков, каждый из которых имеет S_i градаций ($i = 1, 2, \dots, n$), будет

$$H_{\max} = \log_2 \prod_{i=1}^n S_i. \quad (5)$$

Отклонение энтропии от максимального значения H_{\max} :

$$H_{\max} - H = \log_2 \prod_{i=1}^n S_i + \sum_{(j \dots l)} P_{j \dots l} \log_2 P_{j \dots l}. \quad (6)$$

Величина относительного отклонения энтропии от своего максимального значения (H_N), или, другими словами, *степень неоднородности* может быть выведена из (5) и (6):

$$H_N = \frac{H_{\max} - H}{H_{\max}} = \frac{\log_2 \prod_{i=1}^n S_i + \sum_{(j \dots l)} P_{j \dots l} \log_2 P_{j \dots l}}{\log_2 \prod_{i=1}^n S_i}. \quad (7)$$

Очевидно, что при изменении величины энтропии H от нуля до максимального значения H_{\max} величина степени неоднородности H_N изменяется от единицы, которой соответствует полная упорядоченность совокупного пространства признаков, до нуля, когда распределение значений признаков является равновероятным (хаотичным).

Из 100 признаков, заключенных в вопросах используемого бланка интервью, который адресовался представителям экономически активного населения России, на основе анализа полученной на первом этапе статистической информации, экспертным путем были отобраны 33, которые представлялись наиболее существенными для классификации индивидов в рамках поставленной перед нами задачи по выделению реальных социальных групп в социальной структуре современного российского общества (табл. 1).

Кроме того, в случае наличия тесной корреляционной связи между логически связанными критериями неравенства (например, размер заработной платы и доход на члена семьи), нами выбирался лишь один из признаков для того чтобы обеспечить ортогональность между отобранными переменными. С этой же целью некоторые признаки были логически сгруппированы в специальные индексы. Таковые были разработаны для обобщения информации об уровне образования респондента (применена унифицированная 5-балльная шкала), роде его занятий (социально-профессиональная шкала СПГ-10 [Шкаратан, Ястребов (2007)]), властном ресурсе (10-балльная шкала [Шкаратан, Сергеев (2000)]), характере внепроизводственной деятельности (10-балльная шкала) и социальном капитале (6-балльная шкала [Красилова (2007)]). На следующем этапе также экспертным путем были сжаты градации признаков. Непрерывные переменные — доход и количество квадратных метров жилой площади на человека — были приведены к упорядоченным дискретным шкалам.

Таблица 1

Совокупный перечень доступных социальных признаков по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году

Условная группировка признаков	Содержание признаков
Экономический ресурс	Владение предприятием, ценными бумагами Основной источник дохода Состав недвижимости Тип собственности занимаемого жилья
Человеческий ресурс	Род занятий Уровень образования Владение иностранным языком Навыки работы на компьютере Соответствие работы квалификации Самооценка здоровья
Властный ресурс	Индикатор власти
Ценностно-мотивационный ресурс	Попытка организовать предприятие Стремление продолжить образование Желание взяться за более сложную работу Наличие дополнительной работы
Социальный ресурс	Индикатор социального капитала Род занятий матери, отца, жены/мужа, друга Материальное положение родителей
Культурный ресурс	Индекс характера внепроизводственной деятельности (ИХВД) Размер библиотеки
Присваиваемые и используемые материальные ресурсы	Доходы на члена семьи Площадь жилья на члена семьи Самооценка материального положения Пользование платными услугами для себя, для детей
Социальная среда	Сектор/отрасль занятости Форма собственности по месту занятости Территориально-пространственная среда (тип поселения) Гендер

Как видно, довольно условно весь набор отобранных признаков был сгруппирован в укрупненные категории, которыми оперирует большинство теоретиков, работающих над обоснованием стратификационных схем. В материалах опроса 2006 года, в частности, представлена информация об экономическом, человеческом, социальном, культурном, ценностно-мотивационном и властном ресурсах респондентов, а также присваиваемых ими и используемых материальных ресурсах.

3. Полученные результаты

На основе анализа информации, полученной в ходе представительных повторных опросов экономически активного населения России, проведенных в январе 1994-го, ноябре —

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

декабре 2002-го и 2006 годов по единой программе, мы осуществили выделение реальных социальных групп в социальной структуре российского общества. Этапы реализации проекта состояли в выделении различными методами социальных совокупностей, гипотетически являющихся реальными группами, их сопоставлении по системе критериев для оценивания степени однородности.

Социально-профессиональные группы как псевдореальные. Для сопоставления социальной структуры современного российского общества с социальной структурой европейских стран были использованы материалы Европейского социологического обследования². Проведено сравнение на основе одной из используемых европейцами классификационных схем — Голдторпа-Эриксона-Портокареро (ГЭП). «Список» социальных классов по этой схеме выглядит следующим образом: два высших служебных класса (*service classes*), включающих в себя профессионалов, топ-менеджеров, чиновников, а также крупных и средних бизнесменов; затем следуют работники нефизического труда средней и низшей категорий; самозанятые, супервайзеры, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельские работники и фермеры (табл. 2). Данная схема при некоторой концептуальной близости, тем не менее, несколько отлична от нашей собственной (табл. 4). Здесь в качестве ключевых критериев группировки используются профессиональная принадлежность индивидов (их схожесть по роду занятий), характер занятости и тип заключенного трудового контракта.

Таблица 2

Классы в схеме Голдторпа–Эриксона–Протокареро

I	<i>1-й класс служащих</i> (профессионалы, руководители и чиновники высокого уровня; менеджеры крупных промышленных предприятий; крупные бизнесмены). Высший класс
II	<i>2-й класс служащих</i> (профессионалы, руководители и чиновники среднего уровня; высококвалифицированный технический персонал; менеджеры небольших промышленных предприятий; супервайзеры работников нефизического труда). Высший класс
IIIa	<i>Работники нефизического труда</i> (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс
IIIб	<i>Работники нефизического труда низкой категории</i> (в торговле и сфере обслуживания). Промежуточный класс. Относится к рабочему классу в теоретической модели Голдторпа
IVa	<i>Самозанятые с наймом</i> (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, использующие наемный труд). Промежуточный класс
IVб	<i>Занятые индивидуальной трудовой деятельностью</i> (мелкие предприниматели, ремесленники и так далее, не использующие наемный труд). Промежуточный класс
IVв	<i>Самозанятые сельскохозяйственные работники</i> (фермеры, крестьяне и т. д.). Промежуточный класс
V	<i>Супервайзеры работников физического труда, малоквалифицированный технический персонал</i> . Дно промежуточного класса
VI	<i>Квалифицированные рабочие</i> . Рабочий класс
VIIa	<i>Неквалифицированные рабочие</i> . Рабочий класс
VIIб	<i>Рабочие в сельском хозяйстве</i> . Рабочий класс

² <http://ess.nsd.uib.no>.

В свою очередь, мы соответствующим образом сконструировали классы ГЭП-схемы на основе классификатора РГ-100 в целях их сопоставимости [Шкаратан, Ястребов (2007)]. Сводная информация о социальных структурах рассматриваемых стран представлена в табл. 3.

Таблица 3

Социальная структура России в сравнении с другими странами, % по строке

Страны	Социальные слои/классы										
	I	II	IIIa	IIIб	IVa	IVб	IVв	V	VI	VIIa	VIIб
Россия	6,3	21,2	7,3	13,6	0,4	0,9	0,7	5,0	29,5	12,2	2,7
Чехия	7,9	19,6	13,8	7,4	3,2	6,0	0,9	4,7	17,4	16,2	3,0
Венгрия	11,9	16,8	8,0	8,8	6,0	6,0	2,0	3,1	15,6	18,8	3,1
Польша	10,6	17,6	9,1	5,8	3,9	5,0	13,1	3,5	14,3	16,1	1,1
Словения	15,6	19,5	14,3	7,8	5,2	1,3	1,3	6,5	15,6	11,7	1,3
Германия	10,8	22,1	19,4	10,2	3,3	3,1	1,0	4,3	13,3	11,8	0,6
Испания	8,2	19,4	4,3	12,4	4,7	5,8	2,9	2,7	13,6	21,3	4,9

Таблицы с данными по европейским странам, актуальными на 2002–2003 годы (Håkon L., Ivano B., Heidi J. Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3 NTNU, www.esf.org/newsrelease/21/ESSreport1.pdf). Расчеты по России выполнены на материале представительного опроса экономически активного населения России в 2002 году.

Первое, что бросается в глаза при анализе — это крайне малая доля самозанятых в России (в сумме 2%) на фоне более высокой доли самостоятельных работников в европейских странах. Так, в следующей за Россией, по данному показателю, Германии, их доля составляет 7,4%. Мы считаем это наглядным свидетельством того, что за 15 лет после перехода к рыночной экономике у нас так и не сложился класс мелких предпринимателей и работников, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, в то время как в ряде восточно-европейских государств (8–22%) данная группа занятых является достаточно многочисленной.

Характерно, что довольно большую часть занятых в нашей стране продолжают составлять квалифицированные рабочие, причем данная группа превалирует над группой неквалифицированных, тогда как в европейских странах их соотношение внутри рабочего класса является более или менее выровненным. В целом, преобладание представителей рабочего класса в России (41,7%) объясняется наследием крупного промышленного комплекса, доставшегося от советской экономики и потребляющего значительную часть квалифицированной рабочей силы. Наряду с этим довольно низкой остается доля тех, кого условно ГЭП относит к 1-й высшей группе — верхнему классу, состоящему из высококвалифицированных профессионалов, руководителей высшего звена и крупных предпринимателей (6,3%).

Таким образом, в отличие от стран, демонстрирующих начатки информационной экономики (стремление к преобладанию высококвалифицированных профессиональных групп в структуре общества, замещению физического труда преимущественно интеллектуальным), социальная структура, сложившаяся в России, свидетельствует о том, что страна пребывает в стадии позднего индустриализма с характерным преобладанием рабочих и низкими показателями долей профессионалов и квалифицированных управляющих.

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

В табл. 4 приводятся данные о внутренней динамике социальной стратификации российского общества. При общей стабильности на протяжении 13 лет, можно обратить внимание на некоторые подвижки в рассматриваемой социально-профессиональной структуре. Во-первых, в период с 1994-го по 2002-й наблюдалось некоторое увеличение доли предпринимателей, после чего к 2006 году она стабилизировалась и вышла на крайне низкий уровень — 4%. Заметим, что в любой серьезной отечественной публикации по малому бизнесу отмечается сложное положение этой традиционной части среднего класса в нашей стране. Полученные нами данные об удельном весе этой группы населения подтверждают этот вывод.

Таблица 4

Динамика социальной стратификации в России, %

Социальные слои/классы	1994	2002	2006
Предприниматели	2,6	4,4	4,0
Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
Работники со средним специальным образованием	19,1	14,1	11,7
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
Самозанятые	—	—	1,2
Итого	100	100	100

Расчеты выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 1994, 2002, 2006 годах.

Также бросается в глаза резкое снижение доли высококвалифицированных профессионалов после 1994 года (вдвое), связанное с масштабной иммиграцией работников интеллектуального труда в развитые страны в период нестабильной экономической ситуации в стране [De Tinguy (2004)], [Де Танги (2007)].

Заслуживают также обсуждения и данные о динамике и доле в составе работающего населения основной массы профессионалов (учителей, врачей, инженеров), относящихся по большей части к так называемым бюджетникам. Доля этой социально-профессиональной группы уменьшалась на протяжении всего постсоветского периода. На фоне падающей престижности ряда ассоциируемых с данной группой профессий эта тенденция может быть продолжена и в дальнейшем [Шкаратан, Иняевский (2006)].

В связи с некоторым оздоровлением промышленности в стране после значительного спада в начале 1990-х, наблюдается довольно стабильный рост доли квалифицированных рабочих. В целом же можно сказать, что, несмотря на некоторые (не кардинальные) изменения, которые социально-профессиональная структура общества претерпела преимущественно в период 1994–2002 гг., в ее развитии по-прежнему не ощущается структурных сдви-

гов по направлению к информационной экономике, экономике знаний. Кроме того, судя по тому, что после 2002 года смещения были минимальны (колебания могут быть вызваны присутствием статистической ошибки), можно предположить, что структура практически устоялась.

Если динамика социально-профессиональной структуры российского общества, будучи производной от процессов экономико-технологической модернизации, демонстрирует стабильность и консервативность, то совсем иначе выглядит структура населения в контексте развития института частной собственности.

Рассмотрим владение различными типами собственности (табл. 5). В существенном отрыве от основной части населения, по данному показателю, закономерно пребывают «верхние слои», включающие в себя предпринимателей и руководителей высокого уровня. По мере перехода от вершины взятой нами социальной иерархии к более низким группам эта доля существенно снижается. Также заметным является усиление дифференциации в 2006-м по сравнению предыдущими годами.

Таблица 5

Владение собственностью в разрезе нескольких социально-профессиональных групп, % от представленной группы

Социальные слои/классы	Доля владеющих фирмой/предприятием			Доля имеющих ценные бумаги (кроме ваучеров)			Доля владеющих недвижимостью*		
	1994	2002	2006	1994	2002	2006	1994	2002	2006
Предприниматели	42,6	57,0	82,6	20,5	4,7	21,8	29,2	76,7	87,5
Управляющие и чиновники высшего звена	12,0	28,6	38,1	31,4	14,3	45,0	20,0	64,3	71,4
Управляющие и чиновники среднего звена	9,0	12,5	8,3	41,5	12,5	11,1	30,8	62,5	82,9
Высококвалифицированные профессионалы	5,6	3,0	6,2	27,8	9,0	11,3	10,5	56,7	70,7
Профессионалы с высшим образованием	6,9	3,3	2,1	18,9	8,7	8,5	30,5	60,5	83,0
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,6	2,9	1,8	23,2	3,3	3,2	19,6	48,1	75,9
Квалифицированные рабочие	3,9	0,6	1,6	20,0	8,0	5,0	29,2	51,2	77,0
Не- и полуквалифицированные рабочие	10,1	0,7	1,4	27,2	4,7	2,8	30,1	50,2	72,3
Работники квалифицированного и малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	3,4	2,3	5,8	16,6	13,6	4,3	55,8	52,3	83,1

* 1994 год — доля респондентов, указавших, что они являются владельцами недвижимости. 2002, 2006 годы — доля положительно ответивших на вопрос о том, что их дом/квартира находятся в собственности одного или нескольких членов семьи.

В данную таблицу не включены следующие социально-профессиональные группы: руководители низового звена, работники со средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие и самозанятые.

Расчеты выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 1994, 2002, 2006 годах.

Аналогичную картину можно наблюдать и при рассмотрении доли владеющих ценными бумагами. В глаза бросается «проседание» данного показателя, случившееся в период

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

1994–2002 гг., что объяснимо в связи с подорванным доверием населения к российским банкам и государству после дефолта 1998 года. Характерно, что «восстановить» утраченное доверие удалось лишь представителям «верхних слоев», вновь заметно усилив разрыв с остальными социальными группами.

Значимых различий в доле владеющих недвижимостью между социально-профессиональными слоями в ходе опросов обнаружить не удалось. Как следует из таблицы, к 2006 году подавляющая часть населения в той или иной степени превратилась в собственников недвижимого имущества (по крайней мере, собственного дома или квартиры), поэтому продолжить анализ неравенства по данному показателю необходимо с помощью исследования состава и качества недвижимости, которую респонденты декларируют как собственную.

В целом данные о владении/совладении фирмой или предприятием, так же как и о наличии в собственности ценных бумаг демонстрируют активный процесс концентрации собственности в руках высших и высших средних групп. Напоминаем, что в нашем опросе не представлены элитные группы.

Выделение реальных групп на основе сочетания энтропийного и кластерного анализов. На данном этапе исследования энтропийный анализ осуществлялся нами на классе трехмерных логических пространств. Заметим, что мы перенесли акцент не на получение конкретных пространств-комбинаций с конкретными размерностями, а на выявление некоторых групп признаков, оказывающих наиболее существенное влияние на характер социально-экономического неравенства, т. е. на получение реальных стратификационных критериев для современной России.

Общее количество возможных комбинаций из трех признаков, представляющих собой логические пространства, было вычислено по формуле:

$$C_m^n = \frac{m!}{n!(m-n)!} \quad (8)$$

Учитывая, что в нашем случае $m = 33$ и $n = 3$, оно оказалось равным 5456. Все эти сочетания с помощью специального программного обеспечения, разработанного под руководством профессора Э. Б. Ершова, были просчитаны для получения значения степеней неоднородности H_N с тем, чтобы обнаружить максимальное значение этих величин и выявить тем самым наиболее плотно заполненные логические пространства. В табл. 6 сведены значения степеней неоднородности для 10 подпространств, в наибольшей степени упорядочивающих все макропространство исследуемых нами социальных признаков и представляющих некоторый самостоятельный социологический интерес. В табл. 7 для сопоставления приводятся порядковые номера и соответствующие значения степени неоднородности тех подпространств, в которых те или иные из указанных признаков проявляются впервые.

Любопытно, что в результате реализации метода энтропийного анализа в числе наиболее резко дифференцирующих совокупность опрошенных не проявились такие факторы, как образование (человеческий капитал), социально-профессиональный статус респондента (воплощенный человеческий капитал), социальные сети (социальный капитал), мотивация респондента.

Наибольшей дифференцирующей способностью обладают признаковые пространства, объединяющие в себе такие характеристики респондентов, как владение предприятием или

Первые 10 подпространств с максимальным значением энтропии

Степень неоднородности (H_N)	Система координат логического подпространства
0,730	Владение предприятием, ценными бумагами. Основной источник дохода
0,729	Попытка организовать предприятие. Владение предприятием, ценными бумагами
0,706	Владение предприятием, ценными бумагами. Индикатор власти
0,705	Попытка организовать предприятие, владение предприятием. Основной источник дохода
0,683	Владение предприятием. Основной источник дохода. Индикатор власти
0,678	Попытка организовать предприятие, владение предприятием. Индикатор власти
0,672	Владение иностранным языком, предприятием, ценными бумагами
0,667	Попытка организовать предприятие, владение ценными бумагами. Основной источник дохода
0,664	Наличие дополнительной работы. Владение предприятием, ценными бумагами
0,660	Владение ценными бумагами. Основной источник дохода. Индикатор власти

Расчеты выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году.

фирмой, ценными бумагами или облигациями, основной источник дохода (в том числе включающий доходы от собственности и предпринимательской деятельности), уровень властных полномочий (индекс власти) и «попытки организовать собственное дело». Более того, указанные признаки в различных связках с другими характеристиками довольно интенсивно проявляются в подпространствах с наибольшей степенью неоднородности H_N (табл. 7).

Таким образом, результаты проведенного нами энтропийного анализа свидетельствуют о том, что неравенство в России в большей степени определяется отношением к капиталистической собственности и объемом располагаемой власти. В то же время в ряд значимых не вошли пространства признаков, относящихся к личностным социально-психологическим качествам и ресурсам человека. Это подтверждает предположение, что в современном российском обществе социальное неравенство в большей степени детерминировано объективными социально-экономическими факторами. Иными словами, собственность и власть в нашей стране являются не столько результатом эффективной реализации личных ресурсов, сколько результатом стечения обстоятельств, лежащих за пределами исследуемого нами пространства факторов.

Кроме того, чрезвычайно важным представляется наблюдение, что социально-профессиональная дифференциация населения, задаваемая распределением респондентов по роду занятий, не проявила себя в качестве действительного или реального основания для построения стратификационной системы в современном российском обществе. Полученный в нашем исследовании результат является эмпирическим подтверждением высказанной ранее гипотезы о том, что в России мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (т. е. содержанием и условиями) труда, а не их качественными статусными характеристиками.

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

Признаки, впервые встречающиеся в процессе ранжирования логических подпространств по степени неоднородности

№	Степень неоднородности (H_N)	Система координат логического подпространства
1	0,730	Владение предприятием, ценными бумагами. Основной источник дохода
1	0,730	Владение предприятием, ценными бумагами . Основной источник дохода
1	0,730	Владение предприятием, ценными бумагами. Основной источник дохода
2	0,729	Попытка организовать предприятие . Владение предприятием, ценными бумагами
3	0,706	Владение предприятием, ценными бумагами. Индикатор власти
7	0,672	Владение иностранным языком , предприятием, ценными бумагами
9	0,664	Наличие дополнительной работы . Владение предприятием, ценными бумагами
15	0,639	Форма собственности по месту занятости . Владение предприятием, основной источник дохода
18	0,634	Стремление продолжить образование . Владение предприятием, ценными бумагами
21	0,628	Владение предприятием, ценными бумагами. Тип собственности занимаемого жилья
24	0,623	Соответствие работы квалификации . Владение предприятием, основной источник дохода
40	0,600	Владение предприятием, ценными бумагами. Самооценка здоровья
44	0,599	Владение предприятием, ценными бумагами, пользование платными услугами (для детей)
49	0,591	Владение предприятием, ценными бумагами, пользование платными услугами (для себя)
62	0,579	Навыки работы на компьютере . Владение предприятием, ценными бумагами
85	0,562	Владение предприятием, ценными бумагами. Самооценка материального положения
93	0,557	Владение предприятием, гендер , индикатор власти
152	0,529	Владение предприятием, основной источник дохода. Род занятий жены/мужа
169	0,524	Владение предприятием, ценными бумагами. Индикатор социального капитала
170	0,523	Владение предприятием, ценными бумагами. Род занятий отца
177	0,521	Владение предприятием. Уровень образования , индикатор власти
219	0,506	Владение предприятием, ценными бумагами. Материальное положение родителей
250	0,498	Основной источник дохода. Род занятий , индикатор власти
267	0,494	Владение предприятием, основной источник дохода. Состав недвижимости
274	0,492	Владение предприятием, основной источник дохода. Размер библиотеки
307	0,486	Владение предприятием, основной источник дохода. Площадь жилья на члена семьи
322	0,483	Владение предприятием, основной источник дохода. Род занятий матери
325	0,483	Владение предприятием, основной источник дохода, территориально-пространственная среда
343	0,48	Желание взяться за более сложную работу . Владение предприятием, основной источник дохода
366	0,476	Владение предприятием, ИХВД , индикатор власти
461	0,461	Владение предприятием, основной источник дохода. Род занятий друга
500	0,456	Сектор/отрасль занятости , форма собственности по месту занятости, основной источник дохода
737	0,429	Владение предприятием. Доходы на члена семьи . Индикатор власти

Расчеты выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году.

Опираясь на результаты, полученные при использовании энтропийного анализа, мы попытались сконструировать образы реальных групп в форме статистических кластеров, однородных в пространстве «власть — собственность». Это пространство на самом деле является трехмерным, в котором индивиды группируются по осям меры обладания властными полномочиями, меры владения предприятием и меры обладания ценными бумагами.

Мы попробовали выделить 10 условных кластеров таким образом, чтобы последние представляли все разумные сочетания признаков, по которым они выделялись. Выделенные кластеры (табл. 8) были интерпретированы как реальные социальные слои в терминах, принятых в стратификационных концепциях: низшие и промежуточные слои, представленные массовой группой населения (кластер 1 — 74% респондентов), практически не владеющих никакой собственностью и не располагающих какой-либо властью на рабочих местах; средние слои (кластеры 4–8 и 10 — 22% респондентов), для представителей которых характерны средние показатели индекса власти; и наконец высшие слои и высшие средние слои (кластеры 2–3 и 9 — 4% респондентов), включающие в себя реальных собственников и управляющих наиболее высокого звена.

Таблица 8

Первичные характеристики кластеров, выделенных в пространстве «власть-собственность»

Признаки	Центры кластеров									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Являетесь ли Вы лично, или совместно с кем-либо, собственником предприятия, фирмы?	Нет	Нет	Да	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Нет
Являетесь ли Вы лично, или совместно с кем-либо, собственником акций, других ценных бумаг?	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Нет	Нет	Да	Нет
Индекс власти	0,00	7,05	5,52	2,84	4,43	0,00	2,06	5,67	6,78	3,59
Количество наблюдений	1844	28	66	60	145	87	36	85	24	88
% от общего числа опрошенных	74,0	1,1	2,6	2,4	5,8	3,5	1,4	3,4	0,1	3,5

Расчеты выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году.

Тем не менее, о реальности групп, которые можно выделять в пространствах, образованных данными переменными, на наш взгляд, говорить преждевременно. Корректнее было бы, видимо, применить термин *протореальная группа*, или, пользуясь принятой терминологией, *группа-в-себе*. Реальные (гомогенные) группы в масштабах всего постсоветского общества находятся в процессе формирования.

Сопоставление методов, измерение человеческого капитала. Оба примененных нами метода дали определенное приближение к искомым реальным социальным слоям (группам). Ибо и тот, и другой соответствуют теоретической конструкции, которая предложена нами для раскрытия этого понятия. Реальные группы выступают субъектами и объектами реальных социальных отношений (власти, эксплуатации и т. д.). Среди признаков реаль-

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

ных социальных групп выделяются следующие: гомогенность по основным статусным характеристикам (власть, собственность, престиж; культурный, социальный и человеческий капиталы); самовоспроизводство; гомогенность по характеру труда; отличная от других групп система социальных связей; самоидентификация и взаимная идентификация внутри группы; общие черты ментальности, сходные потребности, мотивация к труду; общие стиль жизни, социальные нормы и ценности; идентификация со стороны общества. Поэтому к реальным группам вполне применимо также наименование «гомогенные группы».

Выделение реальных групп позволяет совершенно четко представить себе социальную структуру общества и обоснованно заниматься экономической и социальной политикой.

В целях сопоставления выделенных альтернативными методиками реальных социальных групп мы провели дополнительное измерение их человеческого капитала. Для этого нами был применен специально сконструированный индикатор, в состав которого вошли признаки, содержащие информацию об уровне образования респондента, его квалификации и профессиональных навыках, организаторских и предпринимательских способностях, характеристиках семьи и состоянии здоровья [Смыслов (2007)].

Результаты расчетов индикатора человеческого капитала в социально-профессиональном разрезе современного российского общества приведены в табл. 9. Как видно, наименьшим человеческим капиталом обладают не- и полуквалифицированные рабочие, причем по всем входящим в индикатор компонентам. Наиболее благополучной в этом отношении является категория высококвалифицированных профессионалов. В целом распределение рассматриваемого показателя по выделенным социально-профессиональным группам соответствует составленной нами иерархии (табл. 4), за исключением самозанятых и предпринимателей, которых условно можно поместить между профессионалами с высшим образованием и работниками со средним специальным.

Таблица 9

**Распределение индикаторов человеческого капитала
в социально-профессиональном разрезе российского общества**

	Социальные слои/классы*										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Индикатор человеческого капитала группы	48,8	59,3	51,9	35,9	43,8	38,8	29,0	23,5	21,9	16,9	35,3
Индекс образования	6,5	16,2	15,0	7,3	14,4	14,1	6,6	4,8	1,2	1,1	5,9
Индекс профессиональных навыков	9,9	13,8	12,1	8,5	10,1	8,2	6,9	5,5	6,4	3,8	8,1
Индекс организаторских и предпринимательских способностей	13,3	11,0	6,5	5,9	3,3	2,3	2,0	1,3	1,3	1,2	4,1
Индекс здоровья	8,9	7,6	5,6	5,4	6,2	5,0	5,8	5,0	5,9	4,8	11,1
Индекс характеристик семьи	10,2	10,7	12,7	8,7	9,8	9,2	7,8	6,9	7,2	6,0	6,1

* Расшифровка социально-профессиональных групп по указанным в таблице номерам дана в «Социально-профессиональной классификации».

Расчеты по России выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году.

Однако наиболее драматичный результат был получен при расчете индикатора человеческого капитала кластеров, выделенных в пространстве «власть-собственность» (табл. 10). В среднем по данному показателю, представители массовой группы, объединившей низшие и промежуточные слои (74% респондентов), более чем в два раза уступают представителям малочисленных (22% респондентов) средних слоев, и более чем в три раза — представителям высших слоев (4% респондентов). Таким образом, наши результаты свидетельствуют о том, что крайне важным аспектом социально-экономического неравенства в нашей стране становится угрожающий разрыв в качестве человеческих ресурсов между основными социальными группами.

Таблица 10

Распределение индикаторов человеческого капитала по кластерам, выделенным в пространстве «власть-собственность»

	Кластеры									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Индикатор человеческого капитала группы	23,4	54,3	52,0	33,3	44,5	33,6	29,0	41,7	72,5	33,4
Индекс образования	4,1	18,6	6,1	4,0	13,1	6,0	4,4	12,5	17,5	3,4
Индекс профессиональных навыков	5,9	11,8	10,8	7,8	9,9	8,4	6,2	8,9	16,2	8,0
Индекс организаторских и предпринимательских способностей	0,7	7,5	16,2	6,2	5,8	6,5	5,8	6,8	17,3	7,2
Индекс здоровья	5,6	5,0	9,7	7,0	5,7	3,7	4,4	4,5	9,2	6,1
Индекс характеристик семьи	7,3	11,4	9,2	8,3	10,1	9,1	8,0	9,1	12,3	8,7

Расчеты по России выполнены по материалам представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году.

4. Заключение

Проблема настоящего исследования состояла в выделении элементов социальной структуры на основе выявления естественного, реального «набора» относительно однородных социальных групп, состоящих из людей с более или менее близкими, сходными характеристиками. Для этого мы использовали, во-первых, искусственно сконструированную социально-профессиональную классификацию, а, во-вторых, применили сочетание энтропийного и кластерного анализов для классификации индивидов (респондентов) в системном признаковом пространстве. Полученные результаты показали, что реальные группы образуются индивидами, сходными по параметрам обладания властным и экономическим капиталом.

Важным результатом мы считаем то, что проведенное исследование подтвердило правильность предложенной ранее гипотезы о неполной состоятельности такого критерия дифференциации экономически активного населения России, как социально-профессиональная принадлежность, и показало возможность применения энтропийного анализа к решению задачи поиска реальных стратификационных критериев в условиях трансформирующегося общества, к которому мы относим современную Россию.

Впервые в практике руководителя проекта полученные данные опровергли как его собственные подходы, так и выводы прочих отечественных и западных исследователей. Иерар-

Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты

хическая стратификационная система, разделяющая членов общества, как правило, на 8–12 групп и вполне оправдывающая себя при градуалистском описании общества, соответствующем неовеберянскому подходу (Д. Голдторп и др.) не подтвердилась. При первом полноценном применении корректных математических методов (энтропийный и кластерный анализ) эта методологическая комбинация подтвердила скорее неомарксистское восприятие постсоветской реалии как классовой, в которой большая часть населения, вне зависимости от размера своего культурного и человеческого капитала, относима к низшему и промежуточному слоям. И эти слои, которые могут быть более подробно дифференцированы по менее значимым признакам (таким как человеческий и культурный капиталы) составляют 74% населения. 22% попавших в опрос по большей части относимы к основной массе средних слоев, обладающих некоторым минимумом собственности и/или властных полномочий. К высшему среднему классу и (с очень малой степенью вероятности) к высшему слою можно отнести 4% населения. Однако стоит заметить, что мы прекрасно осознаем несоответствие значительной части выделенных нами средних слоев критериям так называемого среднего класса.

Получила подтверждение сформулированная в прежних публикациях одного из авторов (но до данного проекта не подкрепленная эмпирически) концепция социальной стратификации постсоветского общества России как позднеэтакратического, в котором сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет. Переход от стратификации иерархического типа, где позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации, так и не завершен.

И, наконец, хотелось бы отметить следующее. Энтропийный метод, как нам представляется, является довольно удобным и наиболее адекватным для классификации социальных объектов (как коллективов, так и индивидов). Ведь чаще всего в социологических исследованиях приходится сталкиваться с необходимостью группировки не по одному, а по нескольким свойствам, отражающим одну и ту же сущность. Кроме того, энтропийный анализ может оказаться особенно полезным в тех случаях, когда исследователь по каким-либо причинам не нашел теоретического обоснования для классификации исследуемых им явлений. Существенным преимуществом данного метода является также то, что он позволяет обойти необходимость соизмерения силы воздействия факторов на совокупность «результатирующих» характеристик, то есть, когда, например, нельзя обратиться к регрессионному анализу.

Список литературы

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У. Индивидуализация социального неравенства. К вопросу о детрадиционализации индустриально-общественных форм жизни // Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- Гордон Л., Терехин А., Сиверцев М. Выделение социально-демографических типов методами кластер-анализа и определение их связи с типами поведения / Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция (некоторые проблемы социальной структуры). Материалы II Всесоюз-

ной конференции по проблеме: «Изменение социальной структуры советского общества». М.: АН СССР, 1971.

Де Танга А. Миграции российских квалифицированных специалистов: причины, проблемы перспективы // *Мир России*. 2007. № 1.

Загоруйко Н. Г., Заславская Т. И. Распознавание образов в социальных исследованиях. Новосибирск: Наука, 1968.

Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Как возможна социальная группа? (К проблеме реальности в социологии) // *СОЦИС*. 1996. № 12.

Кивинен М. Перспективы развития среднего класса в России // *Социологический журнал*. 1994. № 2.

Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // *Мир России*. 2007. № 4.

Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. СОЦИС. 1992. № 3.

Смыслов Д. А. Построение индикатора человеческого капитала // *Прикладная эконометрика*. 2007. № 2(6).

Таганов И. Н., Шкаратан О. И. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // *Вопросы философии*. 1969. № 5.

Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М.: Мысль, 1970.

Шкаратан О. И., Иняевский С. А. Профессионалы и менеджеры в сфере занятости — положение и реальное поведение // *Социологические исследования*. 2006. № 12.

Шкаратан О. И., Сергеев Н. В. Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России в 2006 году. Препринт WP7/2007/02. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

Blau P. Parameters of Social Structure // *American Sociological Review*. V. 39. 1974. № 5.

De Tinguy A. La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer. Paris: Plon, 2004.

Goldthorpe J. H. Rent, class conflict, and class structure: A commentary on Sorensen // *The American Journal of Sociology*. 2000. № 105 (6).

Goldthorpe J. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // *Acta Sociologica*. 2002. № 45 (3).

Grusky D., Weeden K. Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // *Acta Sociologica*. 2001. № 44 (3).

Grusky D., Weeden K. Class Analysis and the Heavy Weight of Convention // *Acta Sociologica*. 2002. № 45 (3).

Pakulski J., Waters M. The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society. // *Theory of Society*. V. 25. 1996. № 5.

Rueschemeyer D., Mahoney J. A neo-utilitarian theory of class? // *The American Journal of Sociology*. 2000. № 105 (6).

Scott J. Social Class and Stratification in Late Modernity // *Acta Sociologica* (Scandinavian sociological Association) 2002. № 45 (1).

Sorensen A. B. Toward a sounder basis for class analysis // *The American Journal of Sociology*. 2000. № 105 (6).

Wright E. Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's «SounderBasis» // *The American Journal of Sociology*. 2000. № 105 (6).